

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованный в 2007 г. храм на холме Тузлух, восточном отроге г. Милья – один из выдающихся культурно-исторических памятников среди археологических объектов различных эпох в балке Еди-Евлер, расположенной на юго-восточном склоне Южной Демерджи на побережье Южной Таврики.

В последнее время в результате полевых исследований, предпринятых Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ в 2002, 2006 и 2007 гг. стало возможным, привлекая историко-архивные данные, составить достоверную карту древних памятников этой территории (рис. 3). Удалось выяснить, что балка Еди-Евлер использовалась человеком в эпоху поздней бронзы, раннего железа, а затем и в период средневековья, начиная, по крайней мере, с VII в. (Лысенко, Тесленко 2012). Со второй половины VIII–IX вв. и вплоть до первой половины X в. по обе стороны балки находилось крупное сельскохозяйственное поселение площадью не менее 5 га с двумя гончарными центрами и двумя-тремя христианскими храмами. В 2007 г. археологам удалось исследовать и полностью раскопать один из них. Результаты этих исследований и легли в основу настоящей книги.

В процессе раскопок были выявлены руины каменных кладок двухапсидной церкви. По своим архитектурно-литургическим особенностям эта церковь относится к типу сооружений, которое можно охарактеризовать как двухапсидный храм с разновеликими апсидами, редкому для средневизантийской Таврики. В Крыму двухапсидные церкви немногочисленны и до сих пор считаются уникальными постройками (Лосицкий 2002: 134; Кирилко 2012; 2015). Как уже отмечалось, ни одна из них не имеет абсолютного сходства с семидворским храмом.

Анализ материалов, полученных в процессе раскопок, позволил прийти к важным выводам, касающимся истории самого храма и населения, которое и создало эту церковь.

Храм был возведён примерно во второй трети, возможно – в середине IX в. и прекратил свое существование как место совершения общественного богослужения, вероятно, в первой половине или даже в начале X в. Таким образом, его история насчитывает около 100 (± 20-25) лет. За это время он единожды был разрушен практически до основания и вслед за тем существенно перестроен не позднее 60-80 гг. IX в., что изменило как размеры церкви, так и её планировочную структуру. После еще одного разрушения в первой половине X в. храм уже не восстанавливался.

Изначально для строительства церкви была выбрана плоская вершина хорошо заметного холма, возвышающегося над заселенной частью прибрежной долины.

Место закладки церкви располагалось примерно в 350 м к северо-западу от некрополя VII–VIII/IX (?) вв. типа «Суук-Су», обычно связываемого с так называемыми крымскими готами, и в 150 и 250 м к западу и северо-западу от ближайших участков синхронного храма поселения, которые были обнаружены на восточном, северо-восточном и юго-восточном склонах того же водораздела (рис. 3). Именно здесь и могли проживать люди, собиравшиеся в этот храм для общей молитвы.

В процессе археологических исследований выяснилось, что еще в эпоху поздней бронзы, примерно за две тысячи лет до появления храма, этот холм был выбран для создания культового сооружения – специфического погребально-поминального комплекса или святилища в виде курганообразной каменной насыпи.

Вероятно, использование этого холма в различные эпохи для культовых целей было обусловлено как его доминирующим положением над долиной, так и традиционными представлениями о сакральном характере этого места, которые могли сохраниться в исторической памяти местного общества, несмотря на происходившие в истории процессы смены населения.

Средневековые строители, скорее всего, обратили внимание на каменную насыпь и, вероятно, восприняв её как дополнительное доказательство «святости» выбранного места, преднамеренно поместили на неё центральные камни кладки южной апсиды.

Здание церкви ориентировано апсидами на северо-восток. Азимут его центральной оси составляет около 47°, что примерно соответствует азимуту точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния¹. Этот факт можно интерпретировать по-разному, однако нельзя не отметить, что ориентация храма довольно точно согласуется с этим астрономическим явлением. Поскольку горизонт полностью открыт для обозрения с вершины холма, выдержать примерную линию на точку восхода солнца не составляло особого труда.

Было бы неосмотрительно однозначно связывать ориентировку церковных построек со временем их закладки и, соответственно, их посвящением в честь конкретного святого или церковного события, празднуемого в этот день. Однако, с учетом близости азимута к точке восхода солнца 21 июня и предполагаемого отражения в её богослужебной планировке и литургической культуре

¹ На широте храма (44°42'57"с.ш.) ориентировочный азимут точки восхода солнца равен примерно 53° (формулу расчета азимута восхода солнца на любой широте и на любую дату см. напр.: Куликовский 2002: 232; Заграевский 2011). Расхождение в 6° очень незначительно, учитывая вероятное отсутствие у строителей точных измерительных приборов и, видимо, самой цели соблюдения математической точности.

монашеских традиций, предположительно восходящих к столичной практике, нельзя не задуматься о возможном посвящении церкви св. пророку Иоанну Предтече. Воспоминание Рождества этого святого отмечается в восточно-христианском календаре 24 июня, а его почитание было отличительной чертой жизни Студийского монастыря в Константинополе.

Возведение двухапсидной постройки проходило в два этапа, которые условно определены как первый и второй строительный периоды. Изначально был сооружен южный компартимент, представлявший собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой и тремя входами – южным, северным и западным. Затем основной объём был дополнен северным компартиментом меньшего размера с собственным алтарным полукружием.

Стратиграфические и архитектурные свидетельства того, что сооруженная на первом этапе одноапсидная постройка могла хоть какое-то время функционировать самостоятельно, отсутствуют. Двухапсидное церковное здание, состоящее из двух разновеликих объёмов, скорее всего, было задумано изначально и последовательно, без существенных перерывов в строительстве, воплощено в камне. Более того, общее благоустройство территории после окончания строительства, связанное с нивелировкой дневной поверхности снаружи храма и внутри северного компартимента, а также ряд ритуальных действий, предположительно связанных с освящением храма и предполагавших одновременное возжжение костров перед входами северного и южного компартиментов храма, свидетельствуют об осознанном завершении строительных мероприятий, результатом которых и стал двухапсидный храм с разновеликими апсидами, двускатным стропильным перекрытием и черепичной кровлей (рис. 1.64; 1.65). При этом южный компартимент был более объёмным, с алтарным возвышением – своеобразной вимой, выраженным в рельефе в виде материковой подрубки. Здесь же, в юго-восточной части храма на границе алтаря и наоса в яме, сооруженной в материке, мог быть установлен резервуар для воды, используемой для церковных нужд, в том числе и в ритуальных целях.

Церковь была оштукатурена изнутри известью и расписана красной краской в виде простого линейного орнамента с включением греческих литер или даже надписей. В северном компартименте следы дополнительного убранства стен не прослежены, однако именно здесь предположительно открыты литургические устройства. Напротив прохода, соединяющего компартименты, непосредственно на полу находился плоский окатанный камень довольно больших размеров с подложенными под него фрагментами керамики, которые были предназначены, вероятно, для поддержания плиты в горизонтальном положении. Предположительно, именно так выглядел литургический жертвенник-протесис в этом сельском храме.

Представляется, что разновеликость апсид, подчеркнутая внешними средствами архитектуры и плани-

ровки самой церкви, определённым образом отражала происходившую в это время реформу проскомидии – начальной части византийской Литургии. Очевидно, именно для приношения молящимися хлеба и вина для Евхаристии и был предназначен северный компартимент церкви. Его уменьшенный, подчиненный размер по отношению к основному южному объёму, где собственно и совершалась Евхаристия, дополнительно указывает на служебный, предваряющий характер действия, которое здесь осуществлялось. Обнаруженные в северной части церкви бытовые предметы, в частности фрагменты амфор и стеклянных сосудов, могут свидетельствовать о приношении богослужебных даров именно в этот храмовый компартимент. Здесь же, как свидетельствуют фаунистические находки, могла совершаться и общинная или семейная трапеза.

Разрушение двухапсидной церкви, которое произошло не позднее 860-880-х гг., могло быть обусловлено как природными, так и антропогенными факторами. В ряду последних стоит предположить неопытность строителей, создавших на основе архитектурной имитации несовершенную конструкцию, кровля которой, к тому же, очевидно, изначально давала серьёзную протечку. В результате этих факторов и без того непрочный грунтовый кладочный раствор еще больше ослабевал, что во многом способствовало происшедшему коллапсу. Вероятно, строители пытались воспроизвести на основе собственных навыков известную им или предписанную заказчиком форму, не имея достаточного опыта возведения подобных монументальных сооружений из довольно хрупкого местного арсилитового кладочного материала.

При последовавшем вскоре восстановлении полностью руинированного здания в третьем строительном периоде был упразднен северный объём церкви, остатки которого, скорее всего, преднамеренно законсервировали. Допустимо считать, что такая консервация одной из сакральных зон храма, предохраняющая её от профанного использования и тем самым оберегающая святыню, соответствовала нормам богослужебной практики и канонического права восточного христианства, элементы которых можно найти в церковных текстах, близких по времени к периоду существования храма в урочище Еди-Евлер (см., например, предписание митрополита Киевского Иоанна конца XI в., воспевающее какое-либо строительство на месте упраздненной церкви, бывший алтарь которой, как средоточие совершения Евхаристии, подобает «оградить и неприкосновенно хранить, яко свято и честно»: Иоанн 1880: 5-6, №1: 11). Одновременно был заложен проход между компартиментами первоначального храма, возведена внутренняя перегородка и навес над южным входом. В охранительно-магических целях более не используемый проход в церковь был отмечен закладкой двух votивных крестов, помещённых в нижней части заполнения дверного проёма.

Прежнее двухапсидное сооружение превратилось в однефную церковь классического провинциального

облика с нартексом, выделяющуюся в ряду подобных построек лишь наличием двух входов – южного и западного – и навеса над южными дверями, которые становятся основным входом в храм. Очевидно, литургическое новшество, связанное с совершением проскомидии в отдельном северном компартименте, не прижилось в местной общине. Все основные священнодействия сосредоточились у алтаря. Освящение восстановленного храма сопровождалось возжжением большого ритуального костра у южного входа и жертвенной общинной трапезой, что зафиксировано благодаря остаткам кострища и скоплению фаунистических останков.

Следует отметить отсутствие погребений в храме, как на первом, так и на втором этапе его существования. Обнаружено только одно относительно единовременное парное захоронение в 1,75 м к востоку от южной апсиды. Это скорее исключение, чем правило. Средневековые церкви Таврики использовались для погребальных целей достаточно часто. Особенности погребального обряда, прослеженные в одном из захоронений, позволяют сопоставить эти погребения с византийской монашеской традицией.

Связанная с храмом человеческая жизнедеятельность нашла свое отражение в более чем трёх десятках слоев, тщательная археологическая фиксация и дальнейшее изучение которых позволили, как мы видим, детально реконструировать последовательность и характер событий, разворачивавшихся вокруг святилища, а также определить специфику использования его компартиментов на различных этапах функционирования храма.

Материалы из археологических слоев свидетельствуют о многочисленных животных жертвах и связанных с ними общинных трапезах, а также о существовании практики приношения votивных предметов, прежде всего металлических крестов различного облика, которых в храме и рядом с ним было обнаружено не менее тридцати. Типиконы византийских монастырей свидетельствуют об обязательности приношения в храм по субботним и воскресным дням особых крестов в память об усопших и за здоровье живых. Отражением такой поминальной традиции в археологических материалах и могут быть находки металлических крестов в храмовых постройках. В то же время такие кресты могли отчасти служить элементами храмового убранства. Рядом с храмом, благодаря находкам кремнёвых чешуек, образовавшихся при ударе металлическим кресалом по куску кремня, зафиксирован специфический обряд возжжения огня перед богослужением, особенно ярко прослеженный на втором этапе функционирования комплекса, в слоях третьего строительного периода.

Представляется, что характер ритуалов, в частности так и не прижившееся новшество в совершении протесиса-проскомидии, приношение votивных крестов, некоторые особенности погребального обряда, даже ориентация храма могут указывать на истоки этих традиций, связанные с византийским, возможно столичным, монашеством. В результате победы иконопочита-

ния эта социальная группа, традиционно пользовавшаяся большим общественным авторитетом и сыгравшая в этой победе важную роль, приступила к внутренней миссии в византийском обществе в эпоху кристаллизации новых форм христианской культуры.

Вместе с тем археологические данные способны предоставить нам уникальную иллюстрацию к известным по письменным источникам особенностям «народного православия» в Византии. В частности, речь идет о прихрамовых жертвоприношениях и общинных трапезах.

Анализ фаунистических находок указывает на довольно обширный ассортимент храмовых жертв и соответственно разнообразный стол участников трапез, включавший млекопитающих, птиц, рыб, морских и наземных моллюсков. Из млекопитающих предпочтение отдавалось мелкому рогатому скоту (64% определённых зубов и костей), забитому в возрасте до 1 года. На втором месте – останки свиней (16% определённых костных фрагментов) в возрасте 5-6 месяцев и до 2-х месяцев. В небольшом количестве (около 6%) представлены кости трёх особей зайца-русака и, наконец, меньше всего костных останков домашнего быка, которые принадлежат одной или двум особям, забитым в возрасте 1,5-2 лет.

Следует отметить, что наиболее ранние находки костей быка вместе с некоторыми другими фаунистическими останками (мелкий рогатый скот, птицы, моллюски) зафиксированы к западу от церкви в слое, связанном с благоустройством территории вокруг двухкомпартиментного храма после завершения его строительства. Другие фрагменты костей быка были обнаружены в слоях третьего строительного периода к югу от входа в храм. Вполне возможно, что быки обязательно присутствовали в составе жертвоприношений, совершавшихся в связи с освящением храма. Отметим также, что практически все перечисленные животные известны по письменным источникам и данным этнографии, повествующим о прицерковных жертвоприношениях в ареале византийской культуры.

Птицы представлены девятнадцатью видами. Костные останки двух видов, составляющие большинство, принадлежат домашней курице (60,3%) и её мелкой форме (17,9%), причём преимущественно самкам. Остальные виды представлены дикими особями. Среди преобладает дрофа (12,3%). Кроме неё из охотничьих видов присутствуют лебедь-шипун, гоголь, чёрношейная поганка, вяхирь, обыкновенная горлица, коростель, перепел, серая куропатка, кулик-щеголь, сойка, чёрный дрозд и, возможно, полевой жаворонок (от 1,8% до 0,2% каждый вид). Интересны находки костных останков достаточно редких сизоворонки и козодоя, которые, видимо, также были добыты на охоте, а последняя из птиц могла быть принесена в храм из суевенных соображений².

² Кроме млекопитающих и птиц, употребляемых в пищу, отмечено незначительное количество останков естественных обитателей прихрамовой территории, среди которых хомяк обыкновенный, галка и домовая воробей.

Из морских моллюсков в пищу употреблялись преимущественно мидии (97% останков), другие виды (черноморское блюдечко, устрицы, ирус, венус-петушок, сердцевидка) составляют не более 5% от общего числа идентифицированных фрагментов. Стоит отметить незначительное количество устриц. Возможно, их популяция в здешних местах к IX–X вв. сократилась уже весьма существенно. Не исключено также, что у побережья в районе устья балки Еди-Евлер не было благоприятных мест для их обитания. Из наземных моллюсков преобладают раковины улитки обыкновенной (72,4%). Это единственный вид, который употреблялся за трапезой в местной общине³. Кроме того, идентифицированы кости трёх рыб (1 – осетровая и 2 – окунеобразные) и останки 4-5 каменных крабов.

Учитывая возраст приносимых в жертву млекопитающих, а также особенности сезонной добычи охотничьих видов птиц и обилие моллюсков, можно предположить, что храм должен был посещаться в течение всего богослужебного года. Допустимо, однако, что в меню общинных трапез существовали определённые сезонные предпочтения. Большинство охотничьих видов мигрирующих птиц могло попасть на стол местных прихожан, скорее всего, в осенне-зимне-весенний период. Однако для домашних и осёдлых диких птиц какую-либо сезонность определить сложно. Сезонность в употреблении как морских, так и сухопутных моллюсков также не прослеживается. Было бы неоправданной модернизацией практики церковных постов утверждать, что массовая добыча мягкотелых для общинных трапез происходила, в первую очередь, в постное время. Представляется, что этот вид пищи был вообще широко присущ жителям прибрежных регионов вне зависимости от постной диеты.

Стоит также согласиться с тем, что в эту эпоху в восточно-христианской культуре практиковался пост, основу которого составляла не пищевая диета, а регламентация количества и времени приёма пищи в течение суток, как это и было принято в истории Древней Церкви в позднеантичную эпоху. Однако стоит отметить и парадоксальное отсутствие рыбных костей среди остатков трапезы жителей балки Еди-Евлер на протяжении целого столетия, хотя быт местного населения не мог не быть связан с морем. Очевидно, перед нами остатки не рядовой, повседневной, а праздничной, сакральной трапезы, что предполагало сознательный отбор будущего меню. Рыба, судя по всему, в него не входила.

В рационе этих трапез до двух третей составляло куриное мясо, тогда как петухи на стол практически не попадали. Бык, как уже отмечалось, являлся сугубым исключением, связанным с освящением храма. Овцы, бараны и свиньи тоже должны считаться скорее украшением стола в силу незначительного количества их останков, обнаруженных при раскопках храма. Знакомство с распределением костных останков храмовых трапез по

слоям и периодам жизни храма позволяет заключить, что особенности местного потребления за столетний период не изменились. Трудно определить и место совершения основной прихрамовой трапезы. Возможно, в первый период существования церкви для этих целей использовался преимущественно северный компартимент, что делало практически обрядово нерасчленимым приношение даров для будущей Евхаристии и праздничной пищи для совместного обеда. Во втором периоде основной трапезной зоной становится южная площадка перед храмом. Несмотря на находки костей животных в южном компарimente, как в первом-втором, так и в третьем строительном периодах, стоит признать, что этот храмовый объём в сознании прихожан, вероятно, ассоциировался преимущественно с литургией.

Как уже отмечалось в исследовании, традиция жертвоприношений животных в христианских храмах была распространена на обширной территории византийского культурного ареала – в Малой Азии, на Кавказе, в островной и материковой Греции, других местах расселения греков – вплоть до недавнего времени. Она сохранялась достаточно долго и у жителей Крыма, будучи прервана лишь в связи с переселением местных христиан в приазовские и причерноморские степи в 1778-1780 гг. после завоевания Крыма Россией (Бертье-Делагард 1920: 6-10). Отголоски этой традиции можно заметить даже в местных преданиях более позднего времени (*Материалы...*, л. 22 об).

С учетом обширного круга аналогий, материалы раскопок церкви на холме Тузлух предоставляют уникальную возможность археологического комментария к информации письменных источников и данным этнографии о существовании храмовых жертвоприношений в византийской «ромейской» традиции. В то же время широкое распространение этого обряда как среди греческого византийского населения, так и среди народов Кавказа, существенно усложняет вопрос об этнической принадлежности местной общины. Особенности совершавшегося в храме в урочище Еди-Евлер ритуала, как и планировка церкви, не позволяют однозначно связать его с северно-кавказскими традициями. В этой ситуации более предпочтительной является идентификация местных жителей как ромеев-греков.

Проблему этнической принадлежности как заказчиков и строителей храма, так и местной общины, можно отчасти решить, ответив на ряд важных вопросов с опорой на информацию памятников археологии этого времени, известных в микрорегионе, и данные исторических источников о развитии периферии Византийской империи: когда здесь появляются эти люди, откуда они прибыли, в каком количестве и в силу каких причин?

Интенсивное освоение балки Еди-Евлер, связанное с появлением большого поселения, гончарных центров и храмов в исследуемый период хорошо вписывается в культурную и политическую историю Крыма этой эпохи. Примерно со второй половины VIII – начала IX в. в Южном Крыму впервые наблюдается интенсивное освоение территорий, пригодных для ширококомасштаб-

³ Нельзя также исключать, что какая-то часть найденных улиток могла оказаться и просто обитателями как постройки, так и её руин.

ного сельскохозяйственного производства, одна из отраслей которого – виноделие – носила ярко выраженный товарный характер и была ориентирована на экспорт. Именно в это время в регионе возникают многочисленные долговременные поселения, что, по нашему мнению, стоит отчасти связать с притоком в этот район полуострова нового населения.

На территории современной Большой Алушты известно более трёх десятков археологических объектов этого периода. Наиболее крупными из них являются комплексы поселений с храмами, могильниками и гончарными центрами в долинах рек Ускут (Фронджуло 1968б: 134, 142; Тесленко, Лысенко 2002: л. 6-8; Тесленко, Лысенко 2003б: 271-272; Тесленко, Лысенко 2003: л. 8; Тесленко, Лысенко 2004: л. 46-47; Тесленко, Лысенко 2004а: 303-304), Канака (Фронджуло 1968б: 138-143; Якобсон 1979: 49-51, рис. 1; Мыц, Смекалова, Татарцев 1992: л. 5-23; Тесленко, Лысенко 2002: л. 9, рис. 17-19), Алачук (Суук-Су) (Лысенко, Тесленко 2006: л. 25, 70, рис. 7: 16; 28-31; 48; Барсамов 1926: 185; Паршина *и др.* 2001: 61, № 10), Андюз-Су (Компартиментан-Узень) (Тесленко, Лысенко 2002: л. 9-10; 2003: л. 17), Кучук-Узень (Барсамов 1926: 185; Паршина *и др.* 2001: 61, № 11; Лысенко, Тесленко 2005: л. 28-34, рис. 82-113; Тесленко, Лысенко 2003б: 272), Улу-Узень восточный (Тесленко, Лысенко 2003б: 272; Лысенко, Тесленко 2006: л. 24-25, 67-70, рис. 6: п. 15; 21-25; 45-47), Алака (Веймарн 1947: л. 28; Паршина 2002б; Телиженко *и др.* 2010; Телиженко 2011а), Демерджи (Мыц 1988: 112; Мыц, Кирилко 1991: л. 10-16, 28-32, рис. 14-30; Паршина *и др.* 2001: 61, №№ 13-14; Кирилко 2005а: рис. 3-е), Улу-Узень западный (Сосногорова 1880: 41; Миллер 1888: 133-138; Смекалова, Мыц 1997: 145-146; Тесленко, Семин 1998: л. 63-64; Тесленко, Лысенко 2002: л. 18-23; Телиженко 2011б; 2011в), Чолмекчи (Смекалова, Мыц 1997: 150; Паршина *и др.* 2001: 62-63), Цыкурнын-Дере (Смекалова, Мыц 1997: 150; Паршина *и др.* 2001: 63), Ла-Илья (Веймарн 1947: л. 52-53; Скобелев 1969: л. 301-310; Лысенко, Тесленко 2005: л. 34-44, 124-157, рис. 114-152; Кеппен 1837: 14-15; Тесленко, Лысенко 2004: л. 37-38, рис. 82-83), Какоян-Дере (Тесленко, Лысенко 2004а: 304-305; 2004б: 270, рис. 1-1), Хурбедны-Дереси (Репников 1909: 99; 1935: 199, № 67; Веймарн, Кацур 1952: л. 61, № 61; Тесленко, Лысенко 2005а: 291-292), Аян-Дере Узень (обзор лит. см.: Паршина 1991; 2002а; Лысенко, Тесленко 2006) и «церковно-феодалный комплекс» с оборонительными стенами, поселениями, храмами, монастырями на склонах г. Аю-Даг (см. напр.: Лысенко, Тесленко 2002б).

Следует отметить, что часть этих поселений создается уже в обжитых местах. В частности в балке Еди-Евлер обитало население, оставившее здесь могильник с отдельными элементами погребального инвентаря, характерными для некрополей «типа Суук-Су» (Лысенко, Тесленко 2012: 104-110, рис. 1; 2). Возможно, постепенный процесс интеграции местных жителей и пришлого населения отражен в существовании нескольких разрозненных участков поселения на территории балки (Лы-

сенко, Тесленко 2012: рис. 1). Однако с уверенностью судить об этом можно будет только после проведения здесь масштабных археологических исследований.

Новые населённые пункты в большинстве своем были открытыми и неукрепленными. Они располагались в наиболее крупных долинах как на побережье, так и на средних частях склона, вблизи источников воды. Их площадь иногда достигает 15-27 га. Большинство поселков образовано располагающимися не менее чем в 50-100 м друг от друга жилищно-хозяйственными комплексами, представленными усадьбами, по-видимому, окруженными виноградниками. Дома строились из местного камня с использованием глины как связующего раствора и были покрыты черепицей⁴. К этим усадьбам приурочены гончарные центры с горнами «римско-византийской» конструкции, производившими красноглиняные амфоры, пифосы, фляги, кровельную черепицу, напольную плитку и проч. (Паршина *и др.* 2001: 72-74)⁵. Основная продукция гончарных мастерских использовалась в виноделии: пифосы – для изготовления вина, амфоры – для его транспортировки морем. Судя по находкам крымских амфор за пределами полуострова, основная масса местного вина поступала в хазарские поселения Восточного Крыма, Тамани и далее через Керченский пролив и Азовское море вверх по Дону, на основную территорию Хазарского каганата и в его столицу Саркел (обзор литературы см.: Паршина *и др.* 2001: 76-77; Герцен *и др.* 2006: 399-400; Чхаидзе 2008: 144-151; Науменко 2009а: 43-47).

Одновременно с масштабным сельскохозяйственным освоением пространств в Южной Таврике впервые наблюдается массовое строительство связанных с новыми поселениями каменных церквей базиликального типа. Судя по эпиграфическим данным – плиты с датами 801 и 828 гг. на руинах храмов – в пос. Ай-Василь (ныне массив Васильевка на северо-северо-восточной окраине г. Ялта) и в с. Кучук-Узень (ныне с. Малореченское Алуштинского горсовета) (Петров 1882: 226, 228), наиболее ранние храмы такого типа относятся к рубежу VIII/IX – первой половине IX в.

Таким образом, во второй половине – конце VIII – первой половине IX в. в Южном Крыму массово появляются элементы материальной культуры, несвойственные ранее этим местам: каменное домостроительство с использованием керамической черепичной кровли, развитое технологичное гончарство, товарное виноделие, традиция строительства христианских храмов базиликального типа.

⁴ Не исключено, что здесь функционировали и отдельные специализированные винодельческие комплексы, не связанные с жилищами.

⁵ По мнению м.н.с. КФ ИА НАНУ инженера лесного хозяйства А.В. Лысенко именно в процессе функционирования упомянутых поселений впервые было осуществлено радикальное антропогенное преобразование естественных ландшафтов рассматриваемой территории, в частности сведение лесов под виноградники и на топливо для гончарных печей, что в дальнейшем, вероятно, вызвало эрозию почв и обезвоживание местности.

Такое масштабное и относительно быстрое освоение довольно значительных пространств, очевидно, следует связать с массовым переселением сюда носителей новых для Южной Таврики культурных традиций. Стоит подчеркнуть, что по крайней мере часть переселенцев, судя по надписям 801 и 828 г. из храмов в с. Ай-Василь и с. Кучук-Узень (Петров 1882: 226, 228), пользовалась греческим языком.

Перемещение людей в таком масштабе, было, скорее всего, специально организовано и осуществлено в рамках определённой государственной политики, направленной на усиление позиций в регионе⁶. Безусловно, в рассматриваемый период источником такой инициативы могла быть только Византия, а перемещёнными – подданные Империи из ближайших к Таврике регионов, скорее всего – малоазийские греки. В связи с этим предположением отметим, что практика добровольного переселения греков из Малой Азии на побережье Таврики была известна ранее и даже получила отражение в письменных источниках. Возможно, подобные события упомянуты в Житии свт. Иоанна Готского, созданном в начале – первой половине IX в. (Васильевский 1912б; Auzéry 2006). Дед Иоанна происходил «из так называемого Вона, который расположен возле Полемония Понтийского» (совр. селение Вона близ г. Орду в Анатолии). Он служил «копыеносцем» в византийской армии и по окончании службы, видимо, в начале VIII в., переселился в Крым. Предки святого, судя по именам (Лев и Фотина) были греками. Среди возможных причин такой миграции исследователи называют «неспокойную обстановку на родине, страдавшей от арабских набегов» (Могаричев *и др.* 2007: 192-193).

Очевидно, что эта колонизация проходила мирным путем, вероятно, с ведома обитателей заселяемых территорий и местной администрации и без явного нарушения интересов сопредельных государственных образований, в частности Хазарского каганата, отношения Византии с которым, по мнению исследователей, вплоть до провала хазарской миссии св. равноап. Константина Философа в 861 г. были мирными, что дополнительно подкреплялось династическими браками (см. напр.: Артамонов 2001: 323; Цукерман 2001; Могаричев 2004: 167).

⁶ История знает массу примеров похожих перемещений с подобными целями. Одним из последних, наиболее ярких и относящихся к исследуемой территории, является массовое переселение крымских греков в приазовские и причерноморские степи в 1778-1780 гг. Это событие для истории Крыма важно еще и тем, что, очевидно, одной из целей акции, предпринятой Российской империей под вполне благовидным предлогом защиты крымских христиан от османской угрозы, была ликвидация существовавшей здесь на протяжении тысячелетия Готской епархии Константинопольского патриархата, которая, после планируемого присоединения этих земель к России в 1783 г., должна была оказаться на канонической территории Российской греко-кафолической православной Церкви. Эта превентивная акция была осуществлена путем искусственного отрыва греческой паствы Готской епархии от исторической родины и последующего включения Крыма в пределы Синодальной церкви в виде части Славянской и Херсонской епархий с центром в Полтаве. Самостоятельная Таврическая епархия на территории Крыма была учреждена только в 1859 г.

В результате знакомства со всем комплексом исторических и археологических свидетельств создается обоснованное впечатление, что в это время Византийской империей была осуществлена целенаправленная, прямая и комплексная (военно-политическая, культурно-религиозная и хозяйственная) колонизация региона путем перемещения сюда христиан из Малой Азии, что создавало дополнительный стимул для дальнейшей христианизации населения полуострова. Не исключено, что византийская экспансия в Южной Таврике была своеобразным противовесом активному освоению хазарами восточной части полуострова (см. напр.: Зинько, Пономарев 2000; 2005; 2007; 2009; Пономарев 2003а; 2004; Могаричев *и др.* 2007: 103-166).

Видимо, в русле этой политики во второй половине VIII в. и примерно в конце VIII – начале IX в. были образованы две новые церковные административно-территориальные единицы – Сугдейская и Готская епархии (Бертье-Делагард 1920: 43, 59-65; Герцен, Могаричев 1991; Могаричев *и др.* 2007: 175-182)⁷. С учетом предположения, что епархии могли изначально образовываться помимо прочего и по лингвистическому (этническому?) признаку (Бертье-Делагард 1920: 58), отчасти совпадавшему с территориальными пределами, возможная граница между ними проходила именно по балке Еди-Евлер, где обнаружен самый северо-восточный некрополь типа «Суук-Су» (Лысенко, Тесленко 2012). По мнению некоторых исследователей, эти памятники маркируют пределы населённой «готами» «страны Дори», упомянутой ещё Прокопием Кесарийским в его сочинении «О постройках» (*De aedificiis* III. 7: 10-17; см.: Procopius Caesariensis 1838: 261; русский перевод см.: Прокопий Кесарийский 1939; 1996; см. также: Фирсов 1979; Веймарн 1980; Амброс 1994: 59-65).

Стоит принять во внимание, что почти одновременно, в 841 г., на территории Таврики была создана новая военно-административная единица – фема Климатов, уже в конце 40-х – начале 50-х гг. IX в. преобразованная в фему Херсона (см. напр.: Айбабин 1999: 215-216; Цукерман 1997: 312-317; Науменко 1998: 689-691; Могаричев *и др.* 2007: 217-218), что означало переход Готии, а возможно и Восточного Крыма⁸ под полный контроль Византии.

Археологические источники свидетельствуют о том, что примерно с середины VIII до середины IX в. Южная Таврика превращается в одну из интенсивно развивающихся окраин Византийской империи, чей экономический рост был основан в том числе и на про-

⁷ Справедливости ради отметим, что вопрос о времени образования епархий в исторической науке окончательно не решен (обзор литературы по проблеме см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 177-182).

⁸ На основании анализа сфрагистических данных и исторических источников некоторые исследователи полагают, что к началу X в. фема состояла из 5 военно-административных округов, территориально соответствующих церковно-административным единицам – Херсонской, Боспорской, Сугдейской, Фульльской и Готской епархиям Константинопольского патриархата (Науменко 2007).

грессивных технологиях гончарного производства и товарном виноделии.

Прекращение «винодельческого бума» и упадок сельскохозяйственных поселений в первой половине X в. на территории Таврики, прослеживаемые археологически, практически не вызывают сомнения. На подавляющем большинстве селищ, как характеризующихся преобладанием «провинциально-византийских» черт, так и «тюрко-булгарских» или «тюрко-хазарских» поселениях, потреблявших их продукцию, а также на памятниках со смешанной материальной культурой, до сих пор не обнаружены археологические находки, нижняя дата которых определялась бы серединой – второй половиной X в. (см. напр.: Якобсон 1970: 30-58; Романчук, Омелькова 1979; Науменко 1997; Майко 2004: 284; Могаричев *и др.* 2007: 103-166; Зинько, Пономарев 2009: 81-82; Новиченкова 2002). Это позволяет определить период функционирования большинства жилых и производственных центров в рамках максимум 150 (± 50) лет⁹.

Прекращение жизни на поселениях происходило предположительно не вследствие каких-то катастрофических событий, а напоминало хоть и вынужденную, но мирную миграцию местных жителей. Как неоднократно отмечалось, на многих селищах нет следов пожаров или разрушений насильственного характера (см. напр.: Науменко 1997; Зинько, Пономарев 2000; Майко 2004; Зинько, Пономарев 2009: 81-82; Новиченкова 2002)¹⁰. Причины такого запустения кроются в политической и экономической нестабильности в регионе, приведшей к нарушению стабильных торговых контактов и прежней размеренной жизни. В ряду основных причин исследователи указывают ослабление Хазарского государства, раздираемого центробежными тенденциями, а соответственно и власти каганата на контролируемых им землях, обострение политических и экономических отношений Хазарии, Византии и Руси, выливавшееся в гонения на иноверцев – христиан в Хазарии, иудеев – в Византии, и военные конфликты 900-940-х гг.¹¹, а также усилившиеся набеги кочевников, венгров, а затем печенегов (обзор см.

⁹ Безусловно, какие-то поселения, в особенности расположенные неподалёку от крупных городских центров или в зонах оживлённых торговых контактов, продолжали функционировать несколько дольше, но селища, чье благополучие практически всецело зависело от рынков сбыта вина, пришли в запустение.

¹⁰ Следует отметить, что здесь известны и исключения. Например, следы пожара зафиксированы на поселении на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 96-97), в жилищно-хозяйственном комплексе, исследованном в предместье Херсонеса на Гераклеюском полуострове (Яшаева 1999: 354), жилище у развалин византийского храма Кордон-Обы (Баранов 1990: 50), некоторые постройки Судакского городища (Майко 2004: 33). Для более детального изучения вопроса необходимо дальнейшее пополнение источниковой базы и её последующий анализ.

¹¹ В том числе военная активность русов в Причерноморье и на Каспии и их походы на Константинополь, свидетельство чему содержится в русском летописании, и смутные отголоски которых можно увидеть в повествовании «Кембриджского документа» (*Лаврентьевская летопись* 2001: 29-54; Коковцов 1913; 1932; Голб, Прицак 2003; ср.: Толочко О., Толочко П. 1998: 65-66).

напр.: Цукерман 1998; Айбабин 1999: 220-224; Майко 2004: 24-45; Могаричев 2002; Могаричев *и др.* 2007: 221-229; Зинько, Пономарев 2009: 81-82).

Какими бы ни были причины социальной и экономической дестабилизации, археологические источники отчетливо свидетельствуют о том, что в сложившейся обстановке товарное виноделие, лишённое рынков сбыта, потеряло свою прибыльность, а люди, задействованные в этом процессе, оставили свои занятия, отправившись на поиски более спокойных, безопасных и доходных мест для жизни. В этой общественной группе могли оказаться и жители поселений балки Еди-Евлер. Не исключено, что часть их перебралась ближе к городским центрам, а часть могла вновь устремиться в дальний путь в поиске более благоприятных мест обитания.

В настоящее время конкретные свидетельства о характере хозяйственного использования балки Еди-Евлер после середины X в. неизвестны. Много позднее, во второй половине XIV–XV вв. на холме Тузлук, на руинах исследованного нами средневекового храма, возникает небольшая постройка неясного назначения, существовавшая непродолжительное время, объединённое в четвёртый строительный период. Вероятно, тогда же здесь велась добыча строительного камня. Какие-либо свидетельства посещения или использования руин в более позднее время не обнаружены.

В завершение отметим, что настоящая публикация не претендует на то, чтобы разрешить весь комплекс проблем, связанных с причинами и спецификой интенсивного освоения, а затем частичного запустения Южной Таврики, а также со сложной военно-политической ситуацией на полуострове в средневизантийский период. Основная задача настоящей работы, как она видится её авторам, заключается в том, чтобы ввести в научный оборот и как можно более полно представить новый археологический источник, полученный при раскопках средневекового храма в урочище Еди-Евлер и позволяющий осветить лишь некоторые сюжеты жизни обитателей одного рядового провинциального поселения, возникшего в Южной Таврике на северной окраине византийской провинции во время её дружественных отношений с Хазарским каганатом. Прежде всего, добытые раскопками материалы свидетельствуют об особенностях церковной жизни и религиозности местной общины, истоках и трансформации этих традиций, пищевом рационе её членов и отчасти – их материальной культуре, связанной с набором местной керамической и привозной стеклянной посуды, строительной техникой и построением архитектурной формы. И эта задача, смеем надеяться, может считаться отчасти решённой.

Выход в свет этой публикации свидетельствует, что её авторам в определённой степени удалось исследовать, понять и представить эталонный памятник своего времени, не только превосходно вписывающийся в контекст эпохи, но и отражающий зарождение новых богослужебных ритуалов средневизантийского времени и функционирование архаичных традиций «народного

православия» в Византии. Храм в урочище Еди-Евлер не только характеризует религиозную культуру местных жителей из числа предполагаемых переселенцев, но и свидетельствует о возможной роли монашества в формировании этой культуры.

Дальнейшие исследования древностей балки Еди-Евлер, формирующих цельный ландшафтно-археологический комплекс, один из немногих более или менее уцелевших в результате очередного и слабо контролируемого строительного бума на побережье Крыма¹², представляются весьма перспективными. Они помогут выяснить последовательность заселения

и освоения этого микрорегиона представителями различных этнических групп, специфику и хронологию возникновения культовых комплексов, особенности организации и специализации гончарного производства и т.д., что в свою очередь, на примере конкретного природно-исторического объекта, позволит приблизиться к пониманию как некоторых аспектов повседневной жизни, мировоззрения и религиозной культуры обитателей северной византийской провинции, так и общих закономерностей исторического процесса в рамках изменяющейся Циркумпонтийской цивилизации.

---

¹² К настоящему времени строительством уничтожено около трети объектов в прибрежной части балки. Остальная территория комплекса все еще свободна от застройки и доступна для исследований.